

НА ОХОТУ С ПИГМЕЯМИ

С. КУЛИК

НЕОЖИДАННЫЙ порыв ветра, пронесшийся по вершинам деревьев, напомнил о том, что природа — педант и что сегодняшний день не пройдет без дождя. Ветер налетал, кренил гигантские стволы, поднимал хороводы сухих листьев и убегал куда-то дальше. А лес и все вокруг замирало, безмолвно и обреченно ждало. Даже не успевшие высохнуть после вчерашнего дождя капли, сдутые ветром, прекратили свою монотонную песню. И только нахальные турако¹ почему-то обрадовались наступающему дождю, слетелись на деревенскую площадь и устроили веселую возню, прыгая по бревнам и стрекоча, словно белки.

Их темно-зеленое оперение составляло идеальную цветовую гамму с густым мхом, покрывавшим поваленные стволы. Но как только срывался ветер, турако стремительно взвивались вверх, щеголяя ярко-пунцовой подкладкой своих крыльев. Воздушный поток подхватывал птиц, и они парили над деревней, пытаясь перекричать трескучими голосами дальний грохот грома. Потом птицы растворились в мгновенно окутавшей лес полутьме, и дождь, даже не пожелав предупредить о себе первыми каплями, сплошным потоком поглотил лес.

Я укрылся в машине, но вскоре понял, что под лиственной кровлей хижины пигмеев было куда уютнее. Водяной поток с такой силой барабанил по металлической крыше, что, даже зажав уши, я не смог спастись от шума.

¹ Турако — птица из отряда кукушкообразных.

Деревню пигмеев-батва, которая находилась от меня в какой-нибудь полусотне метров, не было видно за сплошной пеленой воды.

Свет молний так ни разу и не озарил этот затопленный мир. Я заметил время: дождь начался в 13.50 и кончился в 14.20. Кончился так же внезапно, как и начался, как будто бы над нами была не иссякающая туча, а гигантский резервуар воды, который закрыли, мгновенно захлопнув задвижку. Одновременно кончился шум и сделалось светло. Из-за деревьев появилась деревня — хижины среди воды, словно островок в половодье.

Но через каких-нибудь полчаса вода спала, образовав два мутных потока вокруг селения. Только тогда я заметил, что пигмеи построили свои травяные хижины на небольшом бугорке. Я же поставил машину на самом пути возрожденной реки.

Среди веток и листьев, которые поток проносил мимо, я заметил распластавшего алые крылья турако. Шутки со стихией не проходят даром даже для тех, кто не боится заигрывать с ней.

ТАМТАМЫ ПРИНОСЯТ ВАЖНУЮ НОВОСТЬ

У пигмеев не обошлось без происшествий. Женщины принялись латать унесенные ветром крыши, девушки отмывали от грязи шкуры антилоп, которые были развешаны на раме, подмытой водой. Но больше всех был огорчен Мвиру, старейшина деревни. Впопыхах он забыл на земле одну

из своих трубок, и вода, конечно же, унесла ее. Но я еще не знал об этом и полез к расстроенному старику с просьбой разрешить мне пойти завтра вместе с мужчинами на охоту.

— Можно испортить все дело. Вазунгу² не умеют ходить по лесу: громко дышат и шумят. Если охотники опять ничего не поймут, то деревня вновь будет без мяса, — проворчал он, на четвереньках лазая вокруг хижины. Вскоре в поиски включились и женщины, обшарившие уже обнажившееся дно потока. Трубка, оказывается, была не простая, а передаваемая от одного старейшины к другому — нечто вроде родовой реликвии.

Сочувствуя горю Мвиру, женщины ползали по земле тихо, не переговариваясь, и поэтому в полной тишине, воцарившейся в отдохнувшем после дождя лесу, даже я услышал барабанную дробь, глухо отдававшуюся во влажном воздухе.

— Охотники решили заночевать в лесу, потому что напали на новый след, — перевел «морзянку» тамтамов Мвиру. — Говорят, что большой кабан, просят прислать новую крепкую сеть. Домой не вернутся, потому что ушли далеко, за большой холм.

Лицо старика сразу преобразилось, в глазах появился огонек. Видимо, заговорило врожденное охотничье чувство. Даже здесь, в деревне, среди женщин, он был с теми, кто сейчас шел по охотничьей тропе, выслеживая в зарослях добычу. И он должен был помочь им.

² Вазунгу (с у а х и л и) — белые, европейцы.

Покидая деревню пигмеев, я попросил Мвиру сыграть на ликембе. А потом Фежи сфотографировал нас.

Фото автора

Старик отдал распоряжения женщинам, потом почти бегом направился к расположенному в центре деревни навесу, под которым стоял большой тамтам. «Та-тра-тррам-тра!» — с силой, которой вряд ли можно было ожидать от этого маленького старичка, выбивал растопыренными ладонями Мвиру. — «Трам-тра-тата!» Как объяснил мне охотник Аамили, он вызывал из соседней деревни мужчин. «Нам вдвоем с Мвиру с сетями не справиться, а женщинам к ним прикасаться нельзя», — добавил он.

Надо было обязательно задобрить Мвиру чтобы он разрешил мне участвовать в завтрашней охоте. Но теперь я начал изда-лека.

— Ведь мужчины находятся там, где я вчера видел горилл? — прикидываясь простаком, спросил я.

— Да, примерно там, — нехотя ответил Мвиру.

— Но это далеко отсюда?

— Луна будет вот над теми деревьями, когда они придут в деревню, — ответил старик.

Где будет луна, я не имел ни малейшего понятия, но, вспоминая вчерашнюю поездку, прикинул, что идти мужчинам придется часа три.

— Пока они придут, пока починят сети, будет совсем поздно, и им придется идти к охотникам ночью.

— Что делать? Большой кабан — много мяса. А луна светит хорошо.

— Все равно, пешком идти долго. А вот на машине вчера мы доехали совсем быстро, — как будто невзначай кинул я и пошел прочь. Сразу предлагать свои услуги было нельзя: использование автомобиля явно не предусматривалось охотничьими канонами пигмеев. Надо было посеять в душе Мвиру сомнение и дать ему возможность самому понять, как было бы выгодно сэкономить сейчас пару часов.

Я посидел немного на бревне у деревенского костра, побродил среди хижин и опять вернулся к Мвиру. Он сосал трубку и задумчиво смотрел в небо.

— Когда вы приехали вчера от горилл, луна была около той ветки? — спросил он.

Я совсем не был уверен в этом, но счел нужным согласиться.

— Тогда, если бы они сегодня ехали с тобой, то были бы здесь еще засветло. Почему бвана³ решил приехать к нам вчера, а не сегодня?

— Я могу съездить к гориллам и сегодня, а по дороге подвезти людей, — предложил я, не желая прямо навязывать Мвиру свои услуги. Я знал, что он и без того оценит их и в будущем не откажет мне в любой просьбе.

— Аамили покажет тебе дорогу, — без лишних разговоров согласился Мвиру.

Доехали мы без происшествий. Пигмеи, вызванные тамтамом, успели пройти километра полтора и были в восторге, что им «подали» машину. Оказывается, сеть, которую просили охотники, была тоже с ними. Но багажник был полон моими вещами, так что пришлось запихать на сидение и ее. Семеро пигмеев уместились сзади, четверо — спереди, но особой тесноты мы не испытывали. Все говорили хором, смеялись и удовлетворенно щелкали языками. Как перевел мне Аамили, обсуждалась возможность поездки на машине и дальше, до стоянки охотников. Одна из спорящих сторон доказывала, что это невозможно, поскольку лес не допустит такой вольности и охота провалится, другие склонялись к тому, что можно проехать хоть полпути, «как будто не на охоту», тем самым усыпив бдительность своего благодетеля. Никому из них и в голову не приходило, что почти сразу за деревней тропа терялась в непроходимых для машины зарослях, скрывавших овраги и холмы.

Вернулись в деревню мы быстро, когда луны еще и в помине не было на небе. Мвиру был доволен и сразу же приступил к делу. Он обнюхал вытащенную из машины сеть, скорчил гримасу и отдал пару распоряжений мужчинам. Двое из них подтащили к сети два глиняных горшка с водой, остальные приволокли из лесу ворох сочных стеблей, перемешали их с водой и начали месить руками. Один из старых охотников тем временем принес завернутую в лист какую-то коричневатую массу и, причитая скороговоркой, начал ссыпать ее

³ Бвана (суахили) — господин, важный человек.

в горшки. Иногда он останавливался и испускал странный звук, напоминающий хрюканье.

— Он сыплет в воду кабаньих помет, — объяснил мне Мвиру. — Когда идешь на охоту, лучше всего намазать сети пометом того животного, какое хочешь убить. Но нельзя упоминать об этом звере. Надо только думать о нем.

— А почему же ты тогда рассказываешь мне о кабанах? — поинтересовался я.

— Но ведь я же не пойду на охоту. Я останусь здесь и буду просить лес послать нам удачу.

Вообще-то, по сути дела, пигмеи занимались разумным делом. Сеть пропахла бензином и человеческим потом, и это, естественно, могло помешать успешной охоте. Но, начав с реальных вещей, пигмеи, по-моему, вскоре о них забыли и превратили промыску сетей в какое-то таинство. Старик-охотник продолжал хрюкать и что-то приговаривать, а Мвиру достал из костра пару красных угольков и положил на них кусочек кабаньего клыка. Как только появился резкий запах горелой кости, Мвиру сложил и угольки и клык на небольшой черепок и начал поочередно обносить им мужчин, которые смачно плевали в него. Потом черепок с угольками был завернут в листья и передан старшему мужчине. Угольки понесут на ночную стоянку, где разожгут костер.

Большинство пигмейских племен умеют добывать огонь с помощью трута или двух камней. Но прибегают они к этому способу очень редко. Костер посреди их деревни горит днем и ночью, огонь в нем поддерживается старейшиной беспрерывно, и, когда кто-нибудь из пигмеев отправляется в путь, он непременно берет с собой уголек из семейного очага. Пигмеи верят, что у каждого племени, у каждой семьи есть «свой очаг» и что костер, зажженный принесенным из деревни угольком, как-то связывает их с домом, родным лесом и оберегает от опасности...

Когда окуривание было окончено, мужчины вылили содержимое горшков на сети, размазали ногами и смачно сплюнули. Процедура приготовления к охоте была завершена. Девять мужчин взвалили себе на плечи еще мокрую, извергающую потоки мутной зеленоватой жижи сеть, взяли в правую руку копье, в левую — лук и, выстроившись цепочкой, пошли в лес. Они были похожи на сказочных воинственных гномов.

Аамили и два брата — Фежи и Лугупе поведут завтра с утра женщин, которые будут загонять кабана. «Можешь идти с ними», — хитро усмехаясь, обратился ко мне Мвиру, когда фигурка последнего охотника исчезла за громадными деревьями.

ОПАСНОСТИ ЗВЕРИНОЙ ТРОПЫ

Из деревни мы вышли, растянувшись длинной цепочкой: спереди Аамили, за ним я, Фежи, Лугупе и женщины. Я было начал отказываться от копы и лука, которые вручил мне Фежи, ссылаясь на то, что мои руки и плечи и без того увешаны фото- и кинокамерами. Но охотники за протестовали. Очевидно, мое появление на охотничьей тропе без оружия подрывало не только мой, но и их авторитет в глазах женщин. Поэтому Фежи вызвался нести часть аппаратов, а мне вручил лук, колчан и тяжелое копье, которое почему-то беспрерывно норовило попасть мне промеж ног.

Женщины — их было больше двадцати — шли сзади. В охоте разрешается участвовать лишь взрослым, прошедшим обряд инициации и украсившим по этому случаю свое тело татуировкой. Обычно это просто бесцветные полосы на лбу и кресты на щеках и груди. Но сегодня по случаю охоты в надрезы втерта синяя краска. У каждой через плечо — плетеная сумка, в которую по ходу дела женщины собирают замеченные у тропки ягоды, коренья, насекомых. У двух за спиной привязаны четырех-пятилетние малыши. Хоть со спины матери, но они уже приобщаются к великому искусству охоты.

Шли мы по звериной тропе — об этом говорили и следы копыт, и множество навозных куч. Но вместо того чтобы обойти их стороной, Аамили первым, а за ним все остальные месили помет. Таков, очевидно, один из способов замести собственные следы, не оставить на тропе запаха от множества прошедших по земле людей.

Зато казавшиеся мне ничем не примечательными места Аамили старательно обходил, сворачивая в лес, а за ним с тропы сходили и все остальные. Вначале я решил, что это случайность, и уверенно пошел прямо, но сильные руки идущего сзади мгновенно оттащили меня в сторону. Фежи недо-

вольно покачал головой и молча указал вверх. На толстой ветви, нависшей метрах в тридцати над тропинкой, было подвешено бревно с копьем. От него вниз спускалась тонкая, ничем не отличавшаяся от других лиана, пересекавшая путь и привязанная к стоявшему на другой стороне тропы дереву. Стоит задеть за такую лиану, чтобы копье вместе с бревном потеряло равновесие и пронзило жертву. Впрочем, для не очень крупной дичи (за которую может сойти и человек), чтобы погибнуть, хватит одной царапины. Копье, как правило, отравлено, а яды пигмеев, добываемые из трупов грызунов, действуют безотказно.

Не всякий раз, когда Аамили сходил с тропы, я мог обнаружить силки и ловушки. Однако по тому, сколько раз он это делал, можно судить о том, что ходить здесь без провожатого равносильно самоубийству. «Насыщенность» леса силками, ловушками, капканами необычайно велика, и в этом, кстати, одна из причин того, что банту, соседи пигмеев, бояться леса и редко отваживаются углубляться в пигмейские районы без сопровождения маленьких лесных жителей.

Мы начали спускаться вниз, в долину. Появился подлесок, лес сделался светлее. Несколько раз из-под ног Лугупе вырывались стайки рябых цесарок. Мужчины мгновенно натягивали лук, но всякий раз птицы, беспорядочно хлопая крыльями и кудахча, успевали скрыться в высокой траве. Лишь один раз стрела настигла жертву. Охотники прошли мимо еще трепещущей птицы, даже не взглянув на нее. Их дело было сделано. Теперь сзади идущие женщины должны подобрать дичь, на ходу ощипать ее и выпотрошить.

Мы прошли еще с километр, когда Лугупе остановился и издал радостный возглас. В яму-ловушку, вырытую прямо на тропе, провалился дикообраз. Несчастное животное напоролось на торчавшие на дне остро заточенные бамбуковые колья, которые проткнули его насквозь, и погибло. Рой насекомых, недовольно жужжа, вырвался из ямы, когда, прыгнув в нее, Лугупе начал высвобождать тушу. Женщины тут же стали разделывать ее, а мужчины, закрыв яму ветками и листьями, слегка припорошив их землей, уселись неподалеку и вытаскивали из колчанов свои длинные трубки. Настоящая охота еще не началась, а мясо уже было. Это

хорошее предзнаменование подбодрило пигмеев.

— Ловите ли вы в такие ямы крупных животных — слонов, буйволов? — поинтересовался я у Аамили.

— Когда-то ловили. Но сейчас слоны совсем ушли из этого леса, да и буйволы попадают очень редко. Поэтому, если мы хотим убить большого зверя, мы не ждем, пока он провалится в яму, а сами выслеживаем его в лесу и дожидаемся, пока он уснет. Один из охотников подкрадывается к зверю и всаживает ему в живот копье. Чем глубже ушло копье — тем лучше. Потом охотник убегает, а зверь начинает рвать от боли. Мы больше не трогаем его. Если копье застряло глубоко, он все равно скоро погибнет и будет найден по следам крови. А если не глубоко, то к большому зверю подходить нельзя: он может растоптать всю деревню.

Очевидно, различные пигмейские племена имеют собственные методы охоты на слонов. Знаменитый кенийский охотник Боб Фостер — «убийца слонов» как-то рассказывал мне, что узнал от пигмеев одно из наиболее уязвимых мест этих толстокожих великанов — мочевого пузыря. Он уверял, что в Итури пигмеи метят попасть копытами именно туда. А в лесах Рувензори старый вождь Моибе говорил мне, что его люди подкрадываются к спящему слону и перерезают ему сухожилия задних ног. «После этого, когда ндову⁴ уже не сможет быстро двигаться, ударом копыта ему надо ранить кончик хобота. После этого из слона выйдет много красной воды, и он умрет... Тогда в деревне будет много мяса, хорошего, вкусного мяса».

Дождавшись, когда женщины разделают дикобраза, охотники бодро зашагали дальше. Аамили опять несколько раз сходил с тропы, обходя ловушки. Было похоже, что вся территория, «подвластная» пигмеям, покрыта сплошной сетью различных смертоносных приспособлений. И оставалось только удивляться тому, как вчерашняя группа прошла по этому пути ночью, волоча за собой сеть, и ни разу не задела коварной лианы и не обрушила кровли над кольями ловушки. Утешительно лишь то, что пигмеи добросовестно соблюдают границы своих охотничьих владений.

Они не только не заходят на территории, где промышляют соседние племена, но и избегают заниматься трапперством в «цивилизованной» полосе — вблизи дорог и селений банту.

Нарушать это «джентльменское соглашение» пигмеев провоцируют... те же слоны. Непонятно почему, но эти гиганты, для которых в природе нет никаких препятствий, нагулявшись в чащобах, очень любят подчас выйти на дорогу и часами стоять у ее обочины или же, растянувшись цепочкой, всем семейством шествовать вдоль насыпи. Пигмеи отлично знают это пристрастие слонов и иногда не удерживаются, чтобы не соорудить огромную, искусно замаскированную яму поперек дороги. Лет десять назад, когда Руанда еще была бельгийской «подопечной территорией», в такую слоновую ловушку близ Рухенгери угодил вместе с «джипом» бельгийский офицер. Отделавшись он ушибами, ехавшие сзади на транспортерах солдаты без особого труда вытащили разгневанного командира. Но на следующий день на «место происшествия» прибыли войска «страны-опекуна». Не выходя из бронированных машин, они проехали по утлым пигмейским хижинам, расстреляли тех, кого не успели раздавить. Так было уничтожено шесть расположенных у дороги пигмейских деревень. Сейчас подобные происшествия решаются мирным путем, но полиция вокруг пигмейских районов еще нередко приходится сталкиваться с подобными «специфическими проблемами».

Мы прошли часа четыре, миновали заросший травой участок и снова углубились в лес, когда Аамили остановился и, сложив руки рупором, издал резкий, напоминающий птичий, крик. Тотчас слева издали кто-то отозвался ему таким же криком. Он, бесспорно, имел какое-то вполне определенное смысловое значение. Аамили бросил женщинам несколько отрывистых фраз, и те, сойдя с тропы, свернули право. Шли они теперь не цепочкой, а рассеявшись по лесу, все дальше отдалаясь одна от другой. Мы же свернули влево, откуда раздался звук.

КАБАН БЕЖИТ В СЕТЬ

Большая часть охотников, проводивших ночь в лесу, скрывалась за небольшими кустами, обрам-

лявшими узкий ручей. Здесь же были два пигмея из тех, которых я подвозил вечером на машине. Остальные, очевидно, дожидались женщин и должны были руководить загоном животных.

Рукопожатиями здесь не обмениваются. Перебросившись с вновь прибывшими парой фраз, охотники сразу же приступили к делу. По обе стороны от ручейка, извиваясь между стволами деревьев и маскируясь в свисающих с них лианах, уже висела сеть. Охотники приподняли ее над землей ровно настолько, чтобы даже мелкий зверь не мог подлезть в просвет, но чтобы ее нельзя было и перепрыгнуть.

Каждый из пигмеев скрылся за деревом, чтобы не вспугнуть животное, бегущее в сеть. Старший охотник — коротконогий, с длинной узкой бородашкой пигмей — опять издал птичий крик, и оттуда, где скрывались женщины, сразу же послышался едва уловимый шум. Это женщины начали загонять животных. Шли они на нас, выстроившись дугой, чтобы затронуть как можно больший участок леса и направить вспугнутых животных к сети.

Женщины были где-то далеко, километрах в четырех от нас, так что добычи ожидать было еще рано. Я посмотрел на стоящих за соседними деревьями пигмеев — Фежи и двух молодых парней. Зрачки их были сужены, и без того узкие губы исчезли в сжатом от напряжения рте, маленькие крепкие руки в нервном ожидании сжимали копье. Они стояли совершенно неподвижно. Но сколько экспрессии, сколько динамики было в этих наэлектризованных, напряженных мышцах маленьких тел, в любой момент готовых броситься на запутавшуюся в сетях жертву, будь то дрожащая от страха безобидная антилопа или страшный в своей смертельной агонии леопард.

Первым из-за дерева появился пятнистый гепард. То ли он знал, что его мясо несъедобно и потому он для пигмеев — не объект для охоты, то ли был уверен в силе своих ног, но выглядел гепард не очень-то испуганным. Мелкой рысцой он добежал до сети, зашипел и грациозным прыжком перемахнул через сооружение пигмеев. Стоявший рядом со мной Фежи почему-то захихикал и свистнул.

Постепенно цепь загонщиков смыкалась, а крики становились все громче. Хлопая крыльями, над нами начали пролетать цесарки — сначала поодиночке, потом целы-

⁴ Ндову (с у а х и л и) — слон.

ми стоями. Между деревьями вновь промелькнула пятнистая шкура гепарда, но ничего «съедобного» не было видно. Очевидно, не высмотрели дичи и женщины. При появлении того или иного животного они определенным образом меняют тон своих криков, давая таким образом знать мужчинам, кого они загоняют. Сейчас женщины кричали однообразное «а-а-а» и чем-то стучали. С флангов, по обе стороны от сети, уже появились первые загонщицы. Было ясно, что охота не удалась. По знаку бородатого пигмея они прекратили крики и подошли к кустам. Только теперь я увидел приспособление, с помощью которого загонщицы оглашали лес резким, сухим стуком. Это были небольшие трещотки-калебасы, внутри которых, очевидно, были насыпаны семена или мелкие камни.

Начали сходитьсь и охотники. В дальнем левом отсеке сети, которого не было видно с моего места, запуталась небольшая антилопа, где-то еще — грациозная генетта⁵. Ее не ранили, а живой вынули из сетей и, связав ноги лианами, бросили на землю. Зверек жалобно скулил, смешно морщил нос и время от времени принимался кататься по земле, конвульсивно махая хвостом.

Мужчины о чем-то спорили, поглядывая в мою сторону. Я почувствовал, что кое-кто винит в неудачной охоте меня, ругая Аамили и Фежи, что они привели в лес белого.

Положение спасли женщины. Оказывается, они видели, что кабан, ради которого все пришли сюда, укрылся в заросшем кустами овражке у ручья, километрах в двух от нас, и сейчас предлагали повторить загон. На этот раз решили не растягиваться длинной дугой по лесу, а идти по берегам ручья, чтобы наверняка загнать животное в сеть. Вместе с женщинами пошли и мужчины, стоявшие раньше на флангах. Кабан строптив и, чувствуя опасность, может броситься не вперед, а в сторону, попытаться прорвать окружение. Тут уже речь шла о защите женщин.

Снова затрещали трещотки, снова закричали загонщицы: «Юу-юу-юу» неслось по лесу предупреждение о том, что кабан вышел из своего укрытия. Потом тон звука изменился, и довольный Фежи показал мне два растопыренных пальца. Но понял я значение этого жеста лишь тог-

да, когда увидел пару несшихся прямо на нас кабанов-бородавочников. Точно соблюдая законы аэродинамики, они бежали один за другим — самка за самцом, пригнув и одновременно вытянув морды.

Когда рядом с бородавочником есть поросята, взрослые бегают, забавно подняв хвосты; африканцы уверяют, что в густой траве такой торчащий перпендикулярно вверх хвост помогает им найти друг друга. Но сейчас они бежали с вытянутыми хвостами. Издали они были похожи на игрушечную ракету. Но по мере того как кабаны приближались, становились видны их рыла, увешанные наростами-бородавками и закрученные, словно усы, клыки. Злые маленькие глазки излучали бесстрашие и ненависть. Может быть, этот устрашающий облик, соединенный с отвагой, и позволяет бородавочникам иногда обращать в бегство своих извечных врагов — леопардов...

Но сейчас судьба животных была предreshена. В последний момент самец, правда, заметил западню и попытался свернуть. Но сила инерции была такова, что он не смог сделать этого и прочно запутался в сети. Самка стукнулась об него мордой и отскочила в сторону, но в тот же момент пущенное чьей-то меткой рукой копье пригвоздило ее к земле. Животное было еще в агонии, когда радостные крики мужчин, прыгавших и приплясывавших на залитой кровью земле, известили остальных, что охота окончена. Особенно гордился малодой Узинга. Он совсем недавно получил право участвовать в «большой охоте», и вот сегодня, да еще и на глазах у белого а его сеть попали сразу два кабана. И хотя заслуга его в общей удаче была не больше, чем у остальных, все считали, что именно Узинга «поймал двух кабанов». Ему принадлежало право вскрыть жертву и вытащить теплое, еще подергивающееся на ладони сердце. Вечером, у большого костра, кусочки сердца раздают всем односельчанам. И все будут считать, что Узинга поделился с ними не только добытым мясом, но и своим мужеством и отвагой.

А пока что пигмеи весело приплясывали и, стараясь перекрыть один другого, наперебой рассказывали еще не забытые перипетии сегодняшнего дня, спорили и смеялись. Женщины тут же, под присмотром Аамили и главного охотника, поделили мясо, роздали его всем участникам

(не забыв, кстати, и меня) и усадились отдохнуть. Кто-то притащил из тлевшего меж кустов костра головешку и принялся разводить костер. Но быстрая, как и вчера, темнота, опустилась на лес сверху, давая понять, что костру не бывать. Ливень полил, и теперь уже было безразлично, стоять ли под деревом, от густой кроны которого не было сейчас никакого проку, идти ли в деревню, или лечь и лежать в мгновенно образовавшихся лужах. Повсюду была вода. Лес стал похож на гигантский аквариум.

Пигмеи не спеша покончили со своими делами, взвалили на плечи сети и мясо и отправились в путь. Я с нетерпением посматривал на часы, надеясь, что, как и вчера, дождь подчинится расписанию природы и вскоре прекратится. Но кончился он лишь на полдороге, а когда мы подходили к деревне, возобновился с новой силой.

Когда я наконец залез в машину, то понял, насколько наряд пигмеев лучше моего приспособлен к местным условиям. Они уже давно высушили у костров, отжав свои фартучки и повязки, а я все еще переодевался и снова промокал в лужах, которые образовали на дне машины потоки с моего «цивилизованного» платья. Понятие «вымок» здесь не подходит. Я просто пробыл в воде четыре часа.

В деревне было темно, дождь загнал людей в хижины, и я потерял возможность посмотреть всех жителей в сборе, увидеть танцы, которыми всегда кончаются дни удачной охоты, и еще раз услышать их песни. Деревня притихла, и лишь изредка среди деревьев мелькали маленькие красные огоньки. Это кто-то из пигмеев нес из «семейного костра» головешку в свою хижину.

БОИ КУРОПАТОК

Каждую пятницу (у мусульман это праздничный день) во многих населенных пунктах Афганистана устраивают бои куропаток. Эти бои никогда не кончаются смертью птиц. Когда судьи приходят к выводу, что одна из птиц одерживает верх, бой прекращается.

⁵ Генетта — хищный зверек.

ДЕЙСТВЕННОСТЬ СЛОВА

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОЙ МАЛАЙЗИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В. БРАГИНСКИЙ

ВЕРА в действенную, созидательную и очищающую силу ритмического слова составляет самую сердцевину малайской поэтической традиции. Малайские заклинатели — паванги верили, что есть единственное верное слово, которое заставляет колоситься рис и привораживает возлюбленную, смыкает пасть тигра и открывает подземные клады, надувает ветром паруса малайских лодок и похищает душу врага.

Была и другая, праздничная сторона слова. Игра его скрытыми значениями, игра обиняками, иносказаниями, рифмами. Так возникали шуточные пантуны — импровизации-перебранки между юношами и девушками, взаимный обмен колкостями, взаимные насмешки, подзадоривание.

Поэтическое слово в двух его аспектах — действенном, изменяющем ход сегодняшнего и завтрашнего дня и игровом, разрывающем привычные отношения вещей и явлений, соединяющем их новыми ассоциативными связями, сопровождало малайца на протяжении всей его жизни. Часто эти два аспекта переплетались в одном произведении и всегда во всей малайской поэзии в целом.

Малайская поэзия знает, по сути дела, лишь один жанр — шаир, повествовательную поэму романтического, исторического или религиозно-дидактического характера, возникшую на рубеже XVI—XVII веков. Поэмы эти состоят из четверостиший, зарифмованных смежной четвертной рифмой. Строка шаира насчитывает обычно от 9 до 13 слогов и членится цезурой на симметричные полустишия.

Европейские ученые много и не всегда справедливо спорили о литературных достоинствах шаиристов. Часто это непонимание вызывалось различием эстетических систем, не столько, скажем, английской и малайской, сколько, шире, — европейской и средневековой, с ее специфической литературной обрядностью, условностью, преобладанием типичного над индивидуальным. Механическое использование готовых вневременных мерок никогда не приносило пользы литературо-

ведческому исследованию. Не последнюю роль играло и то, что шаир заметно деградировал в конце XIX — начале XX века, вырождаясь постепенно в удобную форму для газетного фельетона или легко запоминающуюся инструкцию для чиновников.

Между тем шло время, и «настоящий XX век» все яснее давал знать о себе в Малайе. Японская оккупация, борьба за независимость, чрезвычайное положение, введенное в 1948 году английскими колонизаторами, массовые аресты левых деятелей и наряду с этим разорение крестьян, уход в город, где им, заблудившимся на границе средневековья и XX века не находилось места, — новая действительность властно требовала нового слова.

6 августа 1950 года в Сингапуре было создано общество писателей «пятидесятников». Его главными органами стали журналы «Талисман» и «Вестник эпохи». Председателем общества был избран 29-летний Камалуддин Мухаммад (Крис Мас) — автор многочисленных остросюжетных рассказов.

С писателями «пятидесятниками» в литературу вошли темы антиколониальной и социальной борьбы, борьбы за мир и справедливое общество. Их героями были простые люди Малайи: обездоленные крестьяне, бастующие рабочие, мелкие чиновники. Литературу захлестнула волна социального протеста. «Искусство на службу общества!» — таков был основной лозунг «пятидесятников».

Вожжами этого течения стали поэты С. Н. Масури (родился в Сингапуре в 1927 году) и Усман Аванг (в Кота-Тингги в 1928 году).

С. Н. Масури выступил реформатором малайского стиха. Он одним из первых отказался от традиционной шаирной формы, и дело здесь было не в слабости шаира как такового. Новое слово должно было обрести новую форму. Место шаира занял свободный стих (так называемый саджак), малоуспешные попытки ввести который делались еще в 30-е годы выпускниками учительского колледжа Султана Идриса. Канонизирован-